

ТЯЖЕЛАЯ НОША СОЗДАТЕЛЕЙ ПРОШЛОГО (Обзор статей сборника Binford L.W. 1989 debating archaeology. San Diego: Academic Press.)

«Археологи должны признать тот факт, что они не исследуют прошлое\ они создают его. То, что они исследуют, есть археологические остатки. Созданное прошлое настолько корректно, насколько понимаемы свойства археологических остатков и процессы, которые сделали эти свойства реальными» (Binford 1989c: 51).

Предисловие

Время относит нас всё дальше от научной революции 60-х годов в западной археологии. Сила её последствий, однако, велика. Она и в том, что, как отмечает в своей статье О.В. Кузнецов, большинство американских археологов по-прежнему стоит на позициях процессуальной археологии, и в том, что сама «новая археология» стала столь богатой почвой для выросших на её критике многочисленных пост-процессуальных подходов. Осознание того, что начало собственной деятельности уже принадлежит истории науки, сопротивление современной критике неоднократно побуждали самого лидера «новой археологии» Л.Бинфорда дать собственную оценку и научному течению, и новым «постпроцессуальным» подходам и отстаивать право «новой археологии» на существование в будущем.

Как писал об этом сам Л.Бинфорд: «Крен от убеждений в том, что культура должна быть эксклюзивным средством объяснения археологических остатков, к пониманию, что отложения содержат информацию, которая прояснит нам глубинную природу самой культуры, был описан Дэвидом Кларком (1973) как наша потеря невинности. Для многих состояние невинности заключалось в неприкосновенности оной. С потерей невинности и неприкосновенности они обнаружили себя в море неопределённости. Что мы должны делать? Как нам быть дальше? Где продуктивная стратегия? В этой ситуации многие археологи начали искать зависимости от других сфер исследования, во многих случаях это имело положительные последствия. С другой стороны, в археологии вырос ряд ошибочных аргументов, которые имеются в ходу у тех, кто приходит на смену нынешнему поколению. Я чувствую, что эти аргументы нуждаются в разборе.

Если это не будет сделано серьёзно, они могут завести археологию назад, в непродуктивную эру» (Binford 1989c: 42).

В 1989 г. Л. Бинфордом был издан сборник «Дебатирующая археология», составленный из его статей 80-х годов. Часть из них, содержащаяся в первых двух главах, посвящена именно анализу текущей теоретико-методологической ситуации в науке логики развития «новой археологии». Я полагаю, что помещение этого материала здесь было бы наилучшим комментарием и к статье О.В. Кузнецова «Процессуализм и постпроцессуализм в современной археологической теории». Познакомить с ними студенческую археологическую молодёжь было бы также делом положительным. За неимением возможности, однако, привести здесь тексты целиком я ограничусь изложением его взглядов.

Речь пойдёт о статьях: «Новая археология, тогда и сейчас» (Binford 1989a), «Наука - сеансу, или процессуальная археология - постпроцессуальной» (Binford 1989b; написана в 1988 г.), «В погоне за будущим» (Binford 1989c; впервые опубликована в 1986 г. в сборнике «American Archaeology Past and Future»), «Данные, релятивизм и археологическая наука» (Binford 1989d; впервые опубликована в журнале «Man» в 1987 г.), рецензия на Я. Ходдера «Чтение прошлого: современные подходы к интерпретации в археологии» (Binford 1989e; впервые опубликована в 1989 г. в «American antiquity»). По смыслу своему они, взаимодополняя друг друга, воспроизводят, в сущности, одну точку зрения автора на вещи.

Критика культурно-исторического подхода

Деятельность Л. Бинфорда и его единомышленников началась в конце 1950-х - начале 1960-х годов

с критики традиционной археологической парадигмы. На одних из центральных вопросов «но в археологов» «как достичь наибольшей аккуратности в присвоении значений археологическим наблюдениям» (Binford, 1989a: 12) традиционная культурно-историческая парадигма не давала удовлетворительного ответа. Движение вперёд началось с проблематизации этой парадигмы.

Культурно-исторический подход традиционных археологов был идеалистическим в том смысле, что культура, в том числе и её материальные производные, рассматривалась ими как продукт работы индивидуальных сознаний (minds) людей, реагирующих на события культуры и исторической истории. Ключом к её пониманию лежал в раскрытии индивидуальной психологии (Binford, 1989a: 12). Иными словами, артефакты и прочие другие продукты человеческой деятельности отражали идеи, содержащиеся в головах людей, создателей и пользователей этих вещей. Наличие этих идей и было главной причиной появления на свет артефактов и, в конечном счёте, археологических остатков. При этом возможности археологов найти каким-нибудь образом «регулярности» отражения идей в материальных продуктах отрицались на том основании, что (или в этом же смысле - культурные) контексты прошлого уникальны, непознаваемы и непознаваемы. Бинфорд назвал эту ситуацию парадоксальной: материальные остатки прошлого рассматривались как источники знания о прошлом, но идеалистические причины этих остатков были недоступны познанию археологов, использующих только материальные остатки (Binford, 1989a: 13).

«Поскольку никакое другое понимание не было возможно, археологи не искали теории объяснения актуальной работы этих динамик. Не было ни одной попытки предложить взаимосвязи между характером утверждаемых причин и характером материальных остатков, которые должны были быть идеалистически структурированы в прошлом. Не было ни одной очевидной попытки вскрыть интеллектуальный контекст или сформулировать законы человеческого сознания с тех пор, как принципиально отрицалось, что эти «вариации» могут влиять регулярным способом на свойства артефактов и других материальных остатков, которые археологи могут найти. Археология оперировала теорией, которая демонстрировала свою непригодность к вещам, изучаемых археологией!» (Binford, 1989a: 13).

Позиция, принятая традиционными археологами, признавала таким образом, что сходства артефактов необязательно выражают сходные каузальные условия. На этом основании утверждалось, что надёжность выводов может быть обеспечена лишь непрерывностью и стабильностью бытования вещей в прошлом и настоящем. Для отдалённого прошлого такая возможность демонстрации исторических связей отсутствовала. Если же кто-то занимался подобной интерпретацией, то апеллировал к «другой половине» традиционалистического взгляда на

культуры как уникальную производную стоящей за ней человеческой природы (Binford, 1989a: 14).

Проблема интерпретаций решалась традиционалистами принятием перечня конвенций для присвоения значений данным.

«Они принимали то, что в иной науке оценивалось бы как базовая ошибка: они утверждали значения, которые должны быть обобщением, выведенным из данных. Они не пытались познать мир в его терминах; они полагали, что они знали на что похож мир культуры, и они приводили в порядок мир археологического опыта в соответствии с этими аргументами. В продуктивной науке задача состоит в изучении каких-либо ограничений и неадекватностей в полученном знании. Тактики традиционных археологов предохраняли археологов от того, чтобы воспользоваться этой возможностью» (Binford, 1989a: 14).

В своей практике в работе с археологическим материалом традиционные археологи выстраивали аналитические конструкции через утверждения связей между выводами из собственных эмпирических данных и полагаемыми их причинами - идеями, сидящими в головах древних людей.

На деле же, отмечает Бинфорд (Binford, 1989a: 15), археологи связывают археологические остатки с идейным окружением не древних людей, а своим собственным. К тому же, эта связь между феноменологическим (мир опыта) и идейным (идеи о мире) была сделана с допущением. Негативность такой практики, по мнению Л. Бинфорда, состоит в том, что археологический опыт, т.е. практика деятельного соприкосновения с археологическими остатками, ассимилируется археологами с уже готовыми убеждениями о мире. И поэтому-то опыт никогда не может быть использован в выявлении ограничений наших знаний и в развитии методов более корректного объяснения. Благодаря парадоксу работы с материальными феноменами и идеалистической теории их понимания, археология превратилась, по сути, в игру по правилам, предложенным традиционными археологами (Binford 1989a: 16).

«В реальности активность приняла форму бесконечного и энергичного поиска новых наблюдений археологических остатков, поскольку только обобщения, выведенные непосредственно из данных, могут изменить точки зрения археологов на прошлое... Новые открытия были значениями славы и познания, не предполагали оценки идей (теорий), используемых в этих открытиях. Это был интеллектуальный климат роста архаичных эмпирицистских идей. Хорошим археологом был тот, кто мог синтезировать наблюдения и генерировать защищаемые выводы непосредственно прямо из феноменологического мира артефактов... История о прошлом исходила непосредственно из остатков прошлого...» (Binford, 1989a: 16).

Те, кто усомнился в господствующем подходе и задался вопросом об аккуратности и адекватности

методов интерпретации, получили саркастическое прозвище «новые археологи» (Binford, 1989a: 16).

Развитие «Новой археологии»

Начало деятельности «новых археологов» было обусловлено необходимостью решения трех главных задач в археологии.

Во-первых, было осознано, что генерализации являются основными источниками для взглядов на прошлое.

«Мы начали исследовать методы генерализации (обобщения), акцентируясь на стратегиях взятия образцов и более утонченных методах их опознания. В то же время мы хотели знать, были ли предложенные связи между археологическим опытом и интерпретациями валидными и аккуратными. Эта проблема понималась как требования тестирующей программы, нацеленной на оценку пригодности и аккуратности идей. Этой процедурой была наука... Акцент был сделан на дедуктивных формах исследования, поскольку проблема, как это было воспринято в 1960-х годах, состояла в оценке пригодности уже существующих идей. Но никогда не существовало требования отдать абсолютный приоритет дедукции над индукцией, как утверждали многие критики. Мы полностью признавали ватную роль индукции...» (Binford, 1989a: 17).

Во-вторых, была признана непригодность исторических законно-образных аргументов интерпретации для археологии. Отсюда вытекала необходимость развития собственной теории, собственных правил интерпретации данных. Важность этой задачи определялась исходя из специфики археологии как науки, работающей с археологическими объектами (archaeological record) (Binford, 1989a: 18).

В-третьих, аргументировалось, что археологи должны быть в состоянии определить, какое прошлое стоит целью их различных исследований. Вариабельность в археологических остатках могла быть связана с процессами разного масштаба, различными причинами и условиями. В зависимости от задач археологи должны были научиться диагностировать эти различные отношения археологических остатков с процессами. (Binford, 1989a: 18).

В течение 1960-х годов исследования сосредоточились на этих задачах. Одной из первых тем и изучения стала стилевая вариабельность керамики на археологических памятниках и внутрисистемные факторы, её обуславливающие (Longacre 1963; Hill 1965). Примерно в это же время была предложена иная интерпретация ряда мустьерских комплексов Старого Света (Binford and Binford 1966). Хотя эти пионеры «новой археологии», как мы видим, имели собственную логику и программу развития, они были восприняты поначалу лишь как археологи, проверяющие на прочность предшествующие положения традиционных археологов, а «новая археология» - как необходимый компонент археологической деятельности (Binford 1989a:19).

Этот новый опыт побудил Бинфорда и его единомышленников к усилению демонстрации намерения порвать с традиционным подходом и строить собственную науку. Не просто критике старых выводов, а созданию новой археологической методологии была посвящена вся дальнейшая работа. В частности, Бинфорд пишет: «Когда я отправился на север изучать нунамиутов, я пошёл дальше тех целей, которая ставила перед собой новая археология в самом начале. Моё исследование нунамиутов было, конечно, тестированием положений традиционных археологов в отношении вариабельности археологических остатков, но оно было и нечто большим. Эта была попытка разработки методологии для определения связей и значений различных вариаций археологических остатков, которая могла быть потом использована в определении или в пересмотре оценки значения организационного знания, полученного из опыта с нунамиутами» (Binford, 1989a: 19).

Методологическая работа по выработке корректных интерпретационных принципов и подходов к археологическим остаткам вскоре обрела форму концепции «исследований среднего уровня». Последующие свои работы различного теоретико-методологического направления Бинфорд понимал именно как «исследования среднего уровня».

В частности, в монографии «Этноархеология нунамиутов» (Binford 1978a) «подход среднего уровня» к изучению костей животных имел задачей вскрыть конкретные атрибуты инкорпорации природных элементов в систему культуры и извлечь при этом информацию, пригодную для археологов в интерпретации того, как культурные системы могли быть в прошлом организованы. Этот подход противопоставлялся им традиционному отношению археологов к костным остаткам как лежащим вне их компетенции и прямого интереса в силу их природного, а не культурного происхождения (Binford, 1989a: 21).

В работе: «Кости: древние люди и современные мифы» (Binford, 1981a) Бинфорд, наоборот, изучал поспешную готовность археологов принять кости животных в археологических остатках за «продукты человеческих усилий». Он показал, что многие ситуации размещения костных остатков в пространстве могут возникать в силу совершенно иных, природных процессов, и принятие их за результаты человеческой деятельности поэтому ошибочно. Главным уроком книги «Кости...» заключался в предостережении от поспешных выводов и в призыве к ответственности в выработке критериев интерпретации.

Ещё одна тема, затрагиваемая Л. Бинфордом как одна из задач на повестке «исследований среднего уровня»: неприемлемость применения базовой для традиционных археологов категории «культура» в исследованиях проблем орудийной деятельности гоминид, характеристике нижнепалеолитических археологических остатков и становления самой культуры.

«...мы можем представить время, когда гоминиды производили археологические остатки, не выработав

ещё способности к культуре (capacity for culture), тогда было бы возможно и необходимо искать понимание самой культуры. Можем ли мы ожидать, что появление культуры будет объяснено в терминах культуры? Конечно, нет. Поскольку мы не можем исключить возможность, что гоминиды производили артефакты, но не культурные остатки (records), ясно, что основные аргументы выработки пограничных условий для традиционного археологического объяснения ошибочны, бесперспективны и, если приняты не критично, приводят к конвенционализму нежеле, чем к исследованию» (Binford, 1989a: 22).

Критика оппонентов

В интеллектуальной среде археологии 2-ой половины 80-х годов (напомню, что реферируемый сборник статей издан в 1989 г.) Л. Бинфорд находит два направления, опасных своими методологическими «заблуждениями» настолько, что на их критике он останавливается особо, посвящая этой критике, в сущности, все вышеупомянутые статьи сборника. Он называет эти направления реконструктивизмом и контекстуал-структурализмом (Binford, 1989c:42). Критика Л. Бинфорда в меньшей степени имеет характер реакции на критику со стороны оппонентов. Главным образом, это анализ и выявление несостоятельности эпистемологии исследования, содержащейся в конкурирующих парадигмах. Одним из главных аргументов у Л. Бинфорда является онтологическая специфика объекта археологии.

Реконструктивизм Л. Бинфорд определяет как традиционалистский подход, в основе которого лежит методология прямого эмпиризма, характеризуемая им как крайне архаичная, ограниченная и бесперспективная. Это такая эпистемология археологического познания, борьбой с которой начинала свою деятельность «новая археология».

«Он [реконструктивизм] защищает позицию, в которой рост знания и понимания исключительно зависит от построения аккуратной структуры знания о внешней реальности, кирпич за кирпичом. Хотя в строгом смысле это не является ошибочным, оно трагически ограничивает. Его сторонники могут полагать, что мы - это те, кто думает о мире опыта, что предполагает (как считают архаичные учёные), что истина находится во внешнем мире. Это означает, что достигая аккуратного понимания археологических процессов - процессов, которые должны быть ясны объективному наблюдателю, - мы можем видеть археологические остатки объективно. Критицизм с этой точки зрения часто принимает форму попытки обращения внимания на влияние «этого мира», которые отвлекают археолога от видения «истинной» природы археологических источников... Здесь мы видим старое, дискредитированное положение, что теория и концепция должны быть непосредственно выведены из опыта!» (Binford, 1989c: 43)

«Согласно реконструктивистской литературе, если только мы сможем открыть глаза на уроки

природы благодаря использованию более детальных и тщательных обсервационных стратегий, мы сможем эмпирически понять археологические формационные процессы и, следовательно, археологическую истину» (Binford, 1989c: 43).

Как полагает Л. Бинфорд, эмпирическая установка на обязательную обеспеченность выводов фактическим материалом делает невозможным развитие идей и появление новых парадигм. Новые концепции не могут быть верифицированы тем корпусом фактического материала, который получен и осмыслен в терминах предшествующей парадигмы. (Binford, 1989c:44).

Инициированное «новыми археологами» обсуждение процессов, обуславливавших в прошлом варибельность культурных остатков на различных уровнях, не только на этническом, привело к пониманию некорректности однозначной интерпретации археологических ансамблей в терминах «этнической культуры». Такая дискуссия, по мнению Бинфорда, должна была привести археологов к осознанию необходимости постоянной работы над оценкой своих исследовательских концепций и понятий в смысле их адекватности археологическим остаткам и целям исследования.

Вместо этого: «Тактическая концентрация исследований новых археологов на поведении, произошедших в контексте развития идеи, была странным образом ложно интерпретирована как отрицание важности культуры как таковой. Кое-кто даже отстаивал разорванность культурной концепции, предпочитая ей поведение. Для них цель археологии должна заключаться в аккуратной реконструкции прошлых динамик непосредственно или в духе поведения, которые, по сути, ведут к «этнографической» картине прошлого. Конечная цель видится как открытие, в духе эмпиризма, законов человеческого поведения. Изменения, затеянные новыми археологами, и тактики, обеспечивающие эти изменения, были предложены как оценка интеллектуальных средств и роста парадигм. Реконструкционисты, однако, были приведены к тому, чтобы перенацелить археологические входы (т.е. описание скорее прошлого поведения, чем прошлых культур)...» (Binford, 1989c: 45).

В числе таких реконструктивистов, попавших под огонь критики Л. Бинфорда, был назван М. Шиффер, автор «Бихевиористской археологии» (Schiffer 1976). Бинфорд осуждает этот эмпирицистский подход, аргументируя тем что, отрицая необходимость работы над методами исследования, корректностью их применения, неоднозначностью значений интерпретаций, конструктивист неизбежно запирается в своём субъективизме, и надежда увидеть истину оборачивается иллюзией. Л. Бинфорд твердо убеждён, что от характера применяемых интеллектуальных средств зависит конкретное содержание археологического опыта, полнота раскрытия свойств археологического источника, успех или неуспех в получении искомого знания. Стало быть, этот вопрос и есть самый главный в археологии. Но его-то как раз и не понимают конст-

руктивисты-эмпиристы, упорно цепляющиеся за убеждения, что «истина» лежит где-то во внешнем по отношению к археологу мире и не зависит от подхода этого археолога к ней (или к тем явлениям, за которыми она стоит).

Вторым объектом критики стал подход, характеризующийся как контекстуал-структурализм. Этот подход прямо противоположен реконструктивизму. Он «не был связан с попыткой вернуться к прежним методам в науке, но с тем, что полагалось как «новый» взгляд, который изменил эффективность самой науки» (Binford 1989с: 45).

«Осознание того, что мы не можем достичь «объективности» в духе деятельности архаичных учёных, стало популярной темой для бесконечных повторов. Определение важности культуры, стоящей как фильтр между нами и «реальностью» было усилено. В течение эры роста новой археологии работы Томаса Кунна (1970) были широко читаемы в кругу нового поколения археологов. Кунн сделал важные выводы относительно объективности, напрямую адресованный философам и учёным. Глядя на это глазами не-учёного, кажется, что эти аргументы появились, чтобы разрушить подход к изучению, который многие наивные читатели принимают за научный метод: архаичное видение науки. Результат был прямо противоположный ответу реконструктивистов. Там, где реконструктивисты восприняли «реакционную» позицию в науке, возвращаясь к прямому эмпиризму, контекстуал-структуралисты вполне отрицали всю науку. Там, где реконструктивисты отрицали концепцию культуры, контекстуал-структуралисты использовали её не только для объяснения археологических остатков (Hodder 1982a), но и для объяснения поведения учёных (Landan 1981; Perper and Schrire 1977). Они разделяют взгляды на науку как на неспособную производить знания; напротив, предполагается, что такая способность присуща только проектирующим, субъективным, культурно-ограниченным взглядам на внешний мир. С этой перспективы новые археологи были оценены как отставшие от жизни архаичные учёные/эмпирицисты или «грязные» позитивисты, хотя в то же время была заявлена необходимость вернуться к традиционному «культурному» подходу для интерпретации археологических остатков» (Binford 1989с: 45).

Центральная позиция контекстуал-структуралистов согласно которой наше знание о прошлом в значительной мере обусловлено предвходящими убеждениями и тем культурным (и даже политическим) контекстом, в который погружена повседневная жизнь археологов, не вызывает возражений у Л. Бинфорда. Протест возникает против абсолютизации этого положения и отрицания отсюда познавательных возможностей науки. Л. Бинфорд критикует и представления о культуре, содержащиеся во взглядах контекстуал-структуралистов, так называемую, «генеративную» модель культуры: «Антинаучная установка исходит не от осознания роли культуры в нашей повседневной жизни, но от

принятия «генеративной» модели культурного изменения, которая характеризует контекстуально-структуралистскую позицию. Генеративная установка полагает, что внутреннее ядро служит как организующее начало поведения или деятельности. Эта организующая характеристика выражается в том, что акции участников/деятели запрограммированы этим ядром структуры убеждений, значений или символов» (Binford 1989с: 47-48).

«Генеративные подходы отказываются объяснять культурные системы из-за своего упрямого отрицания того, что мы имеем дело с термодинамическими системами, бесстоимостными символическими кодами. Культурные системы - это организации с присущими им динамиками, которые зависят от течения энергии через них. Энергия улавливается в природе этими системами, а не отдельными участниками, думающими или кодирующими ничего не стоящие символические мечты об этих очень конкретных материальных процессах. В свою очередь, траектория культурно-организованных термодинамических систем не определяется тем, что её носители думают о процессах. Напротив, она определяется поведенческими и организационными способами, которыми система обращается с энергетическими источниками в условиях внутреннего и внешнего соперничества. Организация понимания истории прошлых культурных систем исходит из понимания этих процессов, а не от некой воображаемой характеристики стабильной и внутренне закрытой системы символов способной только к «допустимой» перегруппировке её конечных компонентов. Структуралистская позиция не пригодна для социокультурных систем, и, что более важно, ошибочна» (Binford 1989с: 48).

Одним из главных адресатов критики контекстуал-структурализма Л. Бинфорда является Я. Ходдер и, в частности, его книга «Чтение прошлого: современные подходы к интерпретации в археологии» (Hodder 1986). Эта критика имеет жёсткий характер. Одна из реферируемых здесь статей Л. Бинфорда, посвященная рецензии на эту книгу, начинается со слов: «Это маленькая книга с маленьким посланием, выдутым из горна с громким шумом» (Binford 1989с:69).

На примере Я. Ходдера Бинфорд характеризует, в частности способ, каким контекстуал-структуралисты собираются всё же познать прошлое:

«Если мы требуем знать другой мир первым, и мы не имеем доступа к тому другому миру, что нам делать? Ходдер говорит нам две вещи. С одной стороны, следовать методам «прочувственного (empathetic) понимания», защищаемым Коллингвудом (1956). Исследователь «окружает себя контекстуальными данными», говорит Ходдер (Hodder 1986:94). С другой стороны, Ходдер говорит нам, что «объект (здесь, в настоящем, например?) вне контекста не читабелен... Так, всё зависит от всего также, и дефиниция атрибутов зависит от дефиниции контекста, которая зависит от дефиниции атрибутов

(Hodder 1986:141). Что это значит? Это значит, что нет ничего доступного «внешнему знанию». Нет данных, на основе которых могли бы быть сделаны выводы; данные и знание созданы одновременно! Как это возможно? Мы следуем совету Коллингууда. Мы оживляем прошлое в нашем сознании. Это должно быть достигнуто «методом вопроса и ответа» (Hodder 1986:95). Короче, мы ведём диалог с самой собой, мы спрашиваем такие вопросы как: «почему должен хотеть некто поставить такое строение как это?» (Hodder 1986:94). Это создаёт прошлое в нашем воображении. Внутренне субъективные мысли отдельных археологов становятся источником знания и понимания других везде и всегда. Арбитр прошлого не археологические остатки, не прошлое, как оно было, это прошлое, воображаемое отдельными археологами»(Вшйж1 1989Б:31-32).

Археология как наука. Специфика объекта археологии

Критикуя оппонентов, Л. Бинфорд излагает и своё собственное понимание специфики способа познания в археологии и особенностей её объекта. Восставая против отрицания контекстуал-структуралистами за археологией способности к построению объективного знания, он доказывает обратное:

«Мы не можем обманывать себя сами, думая, что можем застраховаться от глупости и «объективно» исследовать природу. Точно также мы не можем изучать, отрицая возможность изучения. Наконец, мы не можем изучать, редактируя построенное знание в угоду принятым сегодня частным политическим и моральным установкам. Мы изучаем, используя исследовательские стратегии, экспериментируя с научными методами, которые помещают нас и идеи в зону риска относительно мира опыта»(Binford 1989c: 50).

«Возможность, которая открывает эту важную дверь, которая даёт прошлому шанс стать зримым, появляется, когда в наших собственных мыслях возникает неоднозначность относительно внешних опытов, которые мы имеем. Неоднозначность существует относительно некоторого опыта, когда две или более линии суждений могут привести нас к двум и более несвязанным заключениям. В этой ситуации мы оказываемся в дедуктивной позиции, ориентированную на оценку наших идей... Мы можем быть уверены, что существуют неадекватности в одной или нескольких линиях рассуждения. Это флаг, сигнал к тому, что мы должны разобраться в деталях. Если этот сигнал послан, мы должны исследовать и наши интеллектуальные и когнитивные средства, с которыми мы ассимилируем опыт. (Binford 1989a). В тоже время мы должны использовать наше самое сильное средство, наше воображение, чтобы генерировать когнитивные и интеллектуальные средства, которые смогут разрешать неоднозначность. Так мы изучаем, и так мы растём: помещая наши интеллектуальные средства во взаимодействие с

другими таковыми в контекст опыта» (Binford 1989c: 51).

Из этих убеждений складывается и общее представление Л. Бинфорда об археологии как науке, способной познавать прошлое благодаря корректности применяемых интеллектуальных средств и постоянному контролю над адекватностью этих средств. (Binford 1989c: 69). И именно борьба конкурирующих идей, помещение их в «зону риска» обеспечивают выбор единственно правильного пути познания и устранения в знаниях двусмысленности.

«Наука - это стратегия познания. Всё, что хотят достичь учёные, это лучшие способы поиска опытов во внешнем мире, которые привнесут неадекватность в наше выстроенное знание. Иначе говоря, учёные исследуют аккуратность и реалистичность произведённого знания путём поиска опытов, задуманных для выявления ограниченности в корпусе идей и убеждений, с которыми они начинали свой поиск. Они ищут способы, какими можно подвергнуть опасности их идеи, а не сохранять их в неприкосновенности, к чему могут склонять креационисты. Наука не посвящена открытию «истины» или демонстрации того, что данный корпус идей «правилен». Эти идеи конституируют основную идеологию (trust) новой археологии» (Binford 1989c:50).

Ещё одна важная тема, затрагиваемая Л. Бинфордом, - специфика, или онтологическая особенность, приписываемая археологическому объекту, не позволяющая ставить археологию в один ряд с этнологией, социологией, антропологией и другими гуманитарными дисциплинами. Соответственно эта специфика археологических остатков (или археологической записи - archaeological record) диктует совершенно отличные познавательные возможности археологии и иную предметную область исследования. Представления об археологических остатках как продуктах человеческого поведения, либо материальных выражениях некой идеальной структуры, либо фрагментированных, не полных остатках прошлого не устраивают Л. Бинфорда.

«Археологические остатки демонстрируют временные протяжённости или темпы хронологического изменения очень отличные от тех, которые воспринимали люди, участвовавшие в этом. Скорости культурного изменения для большинства археологически известных эр гораздо более медленны, чем скорости смены поколений для участников тех систем. Этот факт может быть оценен двояко. Во-первых, убеждения и восприятия прошлых участников не должны были касаться реальности с которой они не были знакомы, макровременного масштаба культурного изменения и факторов, его обуславливающих. Во-вторых, наблюдения этнографов и исторические фигуры, хотя, возможно, и документирующие что-то из внутренних динамик культурных систем, не могут иметь отношения к пониманию более медленных и более микромасштабных процессов изменения модификации. Таким образом, реальность, с которой мы имеем дело, такова, что живущие люди

фактически ни когда её не переживали. Это правда, что их совокупное участие обеспечивает энергетическую основу, на которой оперируют макросилы изменений, но они ни когда не осознавали этих обезличенных сил. Археолог, сидящий в настоящем, - вне истории в смысле участия в ней. Мы имеем шанс понять человечество путём, к которому ни один участник, ни один социальный учёный не адресуют кратковременные события прямого социального опыта, какой только можно вообразить. Отказаться от понимания этого потенциала, отказаться от познания человечества новой археологией с этой другой перспективы - перспективы макросил, которые обуславливают и модифицируют образы жизни в контекстах, не осознаваемых участниками комплексных термодинамических систем, - буквально означает «отказаться от прав по рождению» (Binford 1989с: 52).

Непонимание этой специфики археологии и представления о том, что знание о прошлом должно строиться в духе этнографических описаний, как считает Л. Бинфорд, лежат в корне многих заблуждений. Отношение к археологическим остаткам с позиции археолога «драматически» расширяет возможности последних как кисточки знания, нежели чем попытка увидеть прошлое глазами древних людей или описать в масштабе их жизни.

Итак, повторимся ещё раз: Л. Бинфорд признаёт наличие нескольких реальностей прошлого, конституирующих археологические остатки: 1) Реальность, переживаемую и осознаваемую «участниками древних культурных систем», осмысляемую ими в собственных идеальных когнитивных средствах, - реальность, доступную для «волевого поступка», сознательного выбора и действия. 2) Реальность интеграции людей в культурные термодинамические системы, участвующие в потоках энергии различных скоростей или масштабов: а) соразмерных жизни одного поколения и б) более длительных, трансцендентных опыту древних людей, доступных видению лишь с внешней позиции археолога. Реальность этих процессов осмысляется в понятиях, данных исследователем. По отношению к первой реальности она имеет рамочный, безусловный характер.

Течение макропроцессов обуславливает и культурные изменения. В качестве таковых культурных изменений Л. Бинфорд понимает, в частности, переход от среднего палеолита к верхнему. На этом примере он демонстрирует невозможность сведения археологического знания к описанию лишь осознаваемой реальности древних:

«Например, с моей ретроспективной точки зрения как археолог я могу спросить резонно, что стало причиною перехода от среднего палеолита к позднему? Если бы я мог волшебным образом оказаться в прошлом для этнографического интервью у населения поздних неандертальцев, я, очевидно, обнаружил бы, что 1) они не знают, что живут во время такого перехода, и 2) они имеют слабое представление о

важных процессах, как обуславливающих их жизни, так и в тоже время двигающих траекторию их культурной истории в направлении пути к жизни неизвестной и невоображаемой ими... Никакой неандерталец не сможет обеспечить реалистичное решение проблем, поставленных мной, проблем, возникающих совершенно из другой перспективы, базы знаний и временной точки зрения. Как современный археолог я имею замечательную возможность знать кое-что о прошлом во временном масштабе, виртуально не видимом участниками интеллектуально не специализированных систем. Точно также, исходя из перспективы древних участников, я могу знать кое-что об их будущем недоступным их воображению путём. Я могу буквально попасть внутрь порядка реальности, который не известен участникам древних культурных систем. Требование того, чтобы я принял перспективу древних участников... как единственную реальность, с которой мы имеем дело, есть всё равно, что требование отказаться от микроскопов, т.к. «истинная» реальность и без того видна невооружённым взглядом! Пользу археологии такие ошибочные онтологические выводы не приносят» (Binford 1989с: 48-49).

Послесловие

Принимаясь за обзор этих нескольких теоретических статей Л. Бинфорда, я полагал своей целью знакомство со взглядами самого лидера «новой археологии» на тот момент, когда «новая археология» уже давно состоялась и как научная парадигма, и как социокультурное движение в археологической научной среде, когда на её плечах выросли новые подходы, бросающие ей вызов, и в истории науки уже даны ей оценки.

Знакомство с точкой зрения Л. Бинфорда на ключевые вопросы археологического пути познания, несомненно, поможет лучше представить «новую» или процессуальную археологию. Думаю, что со многими декларируемыми им положениями, действительно, можно согласиться. Многое из его критики имеет отношение и к нашей российской и сибирской, в частности, археологии. Однако полагаю, и коллеги со мной согласятся, что для глубокого понимания знакомства с одной этой научной идеологией, конечно, недостаточно.

Для того, чтобы понять, что представляет собой «новая археология» на деле, необходим далее анализ конкретных работ, который бы показал, чего именно добились «новые археологи», работая с археологическим материалом. Именно практика исследований способна выявить сильные и слабые стороны научных концепций. Конечно, это тема отдельной работы.

Я бы отметил сейчас только, что демонстрируемая конфронтация и списывание со счетов традиционной культурно-исторической археологии совсем не берёт в расчёт реальность того, что и «новые археологи» имеют дело со знанием и материалами, добытыми и

осмысленными в понятиях именно этой отрицаемой ими парадигмы. Отвергать это накопленное десятилетиями знание с ходу и начинать с нуля, например, разработку темы палеолита Европы, очевидно, неразумно. Следовательно, вопрос стоит в оценке позитивного содержания знаний критикуемой парадигмы и разработке методов ассимиляции их альтернативным подходом. Один из неудачных примеров оперирования предшествующим знанием, на мой взгляд, представляет собою схема конвертации таксономии понятий одного подхода в понятия другого, когда содержанию культурно-типологического знания механически присваивается новый термин и это знание без изменения далее встраивается в новый подход. Например, «индустрия» впредь именуется как «набор орудий», «традиция» как «социальная группа», а «культура / цивилизация / технокомплекс» как «географически и хронологически большие группы». Такая схема была предложена Д. Кларком (Clarke 1978) и использована К. Гэмблом (Gamble 1989).

Литература

- Binford, L.R. 1989a. The New Archaeology, Then and Now. In Binford L.R. *Debating Archaeology*. New York: Academic Press, pp. 12-23.
- Binford, L.R. 1989b. Science to Sfiance, or Proces-sual to "Post-Processual" Archaeology. In Binford L.R. *Debating Archaeology*. New York: Academic Press, pp. 27-40.
- Binford, L.R. 1989c. In Pursuit of the Future. In Binford L.R. *Debating Archaeology*. New York: Academic Press, pp. 41-54.
- Binford, L.R. 1989d. Data, Relativism, and Archaeological Science. In Binford L.R. *Debating Archaeology*. New York: Academic Press, pp. 55-68.
- Binford, L.R. 1989e. Review of Hodder, *Reading the Past: Current Approaches to Interpretation in Archaeology*. In Binford L.R. *Debating Archaeology*. New York: Academic Press, pp. 69-71
- Binford, L.R. 1987a. Researching Ambiguity: Frames of Reference and Site Structure. In *Method and Theory for Activity Area Research: An Ethnoarchaeological Approach*, edited by Susan Kent, pp. 449-512. New York: Columbia University Press.
- Binford, Lewis R. and sally R. Binford 1966. A Preliminary Analyses of Functions Variability in the Mouste-rian of Levallois Facies. In *Recent Studies in Pale-oantropology*, edited by J.D. Clark and F.C. Howell. *American Anthropologist* 68: 238-295.
- Clarke, D.L. 1973. *Archaeology: The Loss of Innocence*. *Antiquity* 47(1): 6-18.
- Clarke D.L. 1978. *Analytical Archaeology*, 2nd ed. London: Methuen.
- Gamble, Clive 1989. *The Paleolithic settlement of Europe*. (Cambridge world archaeology). Cambridge: Cambridge University Press.
- Hodder, Ian 1982a. *Symbols in Action: Ethnoarchaeological Studies of Material Culture*. Cambridge, England: Cambridge University Press.
- Hodder, Ian 1986. *Reading the Past: Current Approaches to Interpretation in Archaeology*. Cambridge, England: Cambridge University Press.
- Hill, James N. 1965. *Broken K.: A Prehistoric Society in Eastern Arizona*. Ph. D. dissertation, Department of Anthropology, University of Chicago.
- Kuhn, Thomas 1970. *The Structure of Scientific Revolutions* (2nd Ed.). Chicago: University of Chicago, Press.
- Collingwood, R.G. 1956. *The Idea of History*. New York: Oxford University Press. (Originally published in 1946 by Clarendon Press, London).
- Landay, M. 1981. *The Anthropogenic: Paleoanthropological Writing as a Genre of Literature*. Ph. D. dissertation, Department of Anthropology, Yale University, New Haven, Connecticut.
- Longacre, William A. 1963 *Archaeology as Anthropology: A Case Study*. Ph. D. dissertation, Department of Anthropology, University of Chicago.
- Perper, T., and Carmel Schrire 1977. The Nimrod Connection: Myth and Science in the Hunting Model. In *The Chemical Senses and Nutrition*, edited by M. Kare and O. Mailer, pp. 447-459. New York: Academic Press.
- Schiffer, Michael B. 1976 *Behavioral Archaeology*. New York: Academic Press.

Summary

The article continues the discussion of Postprocessual theoretical statements analysed by O. Kuznetsov in his article. The basic theoretical statements of another scientific branch - "New archeology" developed by its theoretical founder L. Binford are subject to the analysis presented in the article of Tef en^kin. The author mentions that many of Binford's statements are correct and his article bears a relation to Russian and Siberian archeology. That is topical in discussions of the theoretical basises of "new archeology" on the russian scientific magazine's papers. The author says that "new archeology's" confrontation and deviation from traditional culture-historical paradigm don't take into account that it based on knowledge and materials got with the help of approach disclaimed by them. In spite of considerable step to the forward done by "new archeologists" there is not assess mechanism of positive knowledge content of the criticized paradigm. The representatives of "new archeology" not realizing use notions of one approach (culture-historical) mechanically appropriating new terms of another approach. For example, "industry" in culture-historical approach there is named as "the set of tools", "tradition" as "social group" and "culture (civilization)" as "geographically and chronologically big groups". Such misconceptions was unavoidable because "new archeological" apologists were really in the framework of natural scientific paradigm in which limits there is criticized culture-historical approach. It is possible to free from such contradictions only wiyhin the framework of system-activity approach.